

**Николай Страхов**

**Критический разбор "Войны и мира"**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Н63

Н63 **Николай Страхов**  
Критический разбор "Войны и мира" / Николай Страхов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 124 с.

**ISBN 978-5-518-09350-8**

Оттиски статей из "Зари" 1869 и 1870 г.

**ISBN 978-5-518-09350-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2016  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ОГЛАВЛЕНІЕ.

### I.

Критика. **ВОЙНА И МИРЪ**, сочиненіе гр. Л. Н. Толстаго. Тома I, II, III и IV. Изданіе второе. Москва 1868. г. *Статья первая.* («Заря» 1869. № 1).

### II.

Критика. **ВОЙНА И МИРЪ**, сочиненіе гр. Л. Н. Толстаго. Тома I, II, III и IV. Изданіе второе. Москва 1868 г. *Статья вторая и послѣдняя.* («Заря» 1869. № 2).

### III.

*Литературная новость* (о появленіи V-го тома). («Заря» 1869. № 3).

### IV.

Критика. **ВОЙНА И МИРЪ**, сочиненіе гр. Л. Н. Толстаго. Тома V и VI. Москва 1869. («Заря» 1870 г. № 1).

---

## О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
120	21	совершится	совершается
127	13	съ младенцемъ	съ младенцами
129	5	высшаго	всякого
236	19	получила отчасти новый характеръ со времени Пушкина	постепенно получила новый характеръ, котораго она еще не имѣла у Пушкина

---

## КРИТИКА.

**ВОЙНА И МИРЪ.** Сочиненіе графа Л. Н. Толстаго. *Томы I, II, III и IV. Изданіе второе. Москва 1868 г.*

Статья первая.

Все, что дѣлается у насъ въ литературѣ и литературной критикѣ, забывается быстро и, такъ сказать, поспѣшно. Таковъ, впрочемъ, вообще удивительный ходъ нашего умственного прогресса; сегодня мы забываемъ то, что сдѣлано вчера, и каждую минуту чувствуемъ себя такъ, какъ будто за нами нѣтъ никакого прошедшаго, — каждую минуту готовы начинать все съизнова. Число книгъ и журналовъ, число читающихъ и пишущихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ; между тѣмъ, число установившихся понятій, — такихъ понятій, которыя получили-бы ясный и опредѣленный смыслъ для большинства, для массы читающихъ и пишущихъ, — повидимому не только не увеличивается, а даже уменьшается. Наблюдая, какъ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, на сценѣ нашего умственного міра фигурируютъ все одни и тѣ же вопросы, постоянно поднимаемые и постоянно недѣлающіе ни шагу впередъ, — какъ одни и тѣ же мнѣнія, предрассудки, заблужденія повторяются безъ конца, каждый разъ въ видѣ чего-то новаго, — какъ, не только статья или книга, а цѣлая дѣятельность инаго человѣка, горячо и долго работавшаго надъ извѣстной областію и успѣвшаго внести въ нее нѣкоторый свѣтъ, исчезаетъ, повидимому безъ всякаго слѣда, и опять безконечной вереницею появляются все тѣ же мнѣнія, все тѣ же ошибки, тѣ же недоразумѣнія, та же путаница и бессмыслица, — наблюдая все это, можно подумать, что мы вовсе не развиваемся, не движемся впередъ, а только тол-

чемся на одномъ мѣстѣ, вертимся въ закодированномъ кругу. „Мы растемъ“, говорилъ Чаадаевъ, „но не зрѣемъ.“

Со временъ Чаадаева дѣло не только не улучшилось, а ухудшилось. Тотъ существенный порокъ, который онъ замѣтилъ въ нашемъ развитіи, раскрывался все съ большею и большею силою. Въ тѣ времена дѣло шло медленно и касалось сравнительно-небольшаго числа людей; нынче, припадки болѣзни ускорились и охватили огромную массу. „Наши умы“, писалъ Чаадаевъ, „не браздятся неизгладимыми чертами послѣдовательнаго движенія идей“; и вотъ, по мѣрѣ внѣшняго развитія литературы, все больше и больше растетъ число пишущихъ и читающихъ, которые чужды всякихъ основъ, не имѣютъ для своихъ мыслей никакихъ точекъ опоры, не чувствуютъ въ себѣ ни съ чѣмъ никакой связи. Отрицаніе, бывшее нѣкогда свѣлостію и дѣлавшее первые шаги съ усиліемъ, сдѣлалось наконецъ общимъ мѣстомъ, рутинною, казенщиною; какъ общая подкладка, какъ исходная точка для всевозможныхъ блужданій и шатаній мысли, образовался нигилизмъ, то есть, почти прямое отрицаніе всего прошедшаго, — отрицаніе всякой надобности какого-бы то ни было историческаго развитія. „У каждаго человѣка, когда-бы и гдѣ-бы онъ ни родился, есть мозгъ, сердце, печень, желудокъ; чего же еще нужно для того, чтобы онъ мыслилъ и дѣйствовалъ почеловѣчески?“ Нигилизмъ, имѣющій тысячи формъ и проявляющійся въ тысячахъ полупозновеній, намъ кажется, есть только пробившееся наружу сознаніе нашей интеллигенціи, что ея образованность не имѣетъ никакихъ прочныхъ корней, — что въ ея умахъ никакія идеи не оставили слѣдовъ, — что прошедшаго у нея вовсе нѣтъ.

Многіе негодуютъ на такой ходъ дѣлъ, да и какъ возможно иногда сдержать негодованіе? Какъ не окрестить глупостію и нелѣпостію всѣ эти безобразнѣйшія мнѣнія, формирующіяся повидному безъ всякаго участія правильной мысли? Какъ не назвать грубымъ и дикимъ невѣжествомъ это полное непониманіе и забвеніе прошлаго, — эти разсужденія, не только неопирающіяся на изученія предмета, но явно дышашія совершеннымъ презрѣніемъ ко всякому изученію? И однако же мы были бы совершенно неправы, если бы приписывали плачевныя явленія нашего умственнаго міра этимъ двумъ причинамъ, то есть, слабости російскихъ умовъ и господствующему между ними невѣжеству. Умы слабые и невѣжественные не суть еще по этому самому умы блуждающіе и забывчивые. Очевидно, причина здѣсь другая, бо-

лѣе глубокая. Скорѣе же бѣда въ томъ, что мы не только не считаемъ, но даже имѣемъ нѣкоторое право не считать себя невѣжественными; бѣда въ томъ, что мы дѣйствительно обладаемъ какимъ-то образованіемъ, но что это образованіе внушаетъ намъ только смѣлость и развязность и не вноситъ никакого толку въ наши мысли. Другая же причина, параллельная первой и составляющая главный, коренной источникъ зла, очевидно, та, что у насъ, при этой ложной образованности, недостаетъ дѣйствительнаго, *настоящаго* образованія, которое своимъ дѣйствіемъ парализовало бы всѣ уклоненія и блужданія, порождаемыя какими-бы то ни было причинами.

И такъ, дѣло гораздо сложнѣе и глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Общая формула, *намъ нужно побольше образованія*, подобно другимъ общимъ формуламъ, не разрѣшаетъ вопроса. Пока всякій новый наплывъ образованія будетъ имѣть слѣдствіемъ только варощеніе нашей безсодержательной, немнѣющей никакихъ корней, словомъ, *фальшивой* образованности, образованіе не будетъ приносить намъ никакой пользы. А это не прекратится и не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока у насъ не разовьются и не укрѣпятся ростки и побѣги настоящаго образованія, — пока не получитъ полной силы движеніе идей, оставляющее въ умахъ неизгладимыя черты.

Дѣло трудное до высокой степени. Ибо для того, чтобы образованіе заслуживало своего имени, — чтобы его явленія имѣли надлежащую силу, надлежащую связь и послѣдовательность, — чтобы мы сегодня не забывали того, что дѣлали и о чемъ думали вчера, — для этого необходимо требуется весьма тяжелое условіе, требуется самостоятельное, самобытное умственное развитіе. Необходимо, чтобы мы жили не чужою, а своею умственною жизнью, — чтобы чужія идеи не просто отпечатлѣвались или отражались на насъ, а превращались бы въ нашу плоть и кровь, перерабатывались бы въ части нашего организма. Мы не должны быть воскомъ, отливающимся въ готовые формы, а должны быть живымъ существомъ, которое всему имъ воспринимаемому даетъ свои собственныя формы, образуемыя имъ по законамъ своего собственаго развитія. Такова высокая цѣна, которою одною мы можемъ купить дѣйствительное образованіе. Если мы станемъ на эту точку зрѣнія, — если подумаемъ, какъ неизбежно это условіе, какъ оно трудно и высоко, — то намъ многое объяснится въ явленіяхъ нашего умственнаго міра. Мы не будемъ уже дивить-

ся тѣмъ безобразіямъ, которыя наполняютъ его, и не станемъ надѣяться на скорое очищеніе его отъ этихъ безобразій. Всему этому слѣдовало быть и слѣдуетъ быть еще долго. Развѣ можно требовать, чтобы наша интеллигенція, не выполняя существеннаго условія правильнаго развитія, произвела что-нибудь хорошее? Развѣ не должны естественно, необходимо, возникнуть эта призрочная дѣятельность, это мнимое движеніе, этотъ прогрессъ, не оставляющій послѣ себя никакихъ слѣдовъ? Зло, для того, чтобы прекратиться, должно быть исчерпано до конца; слѣдствія будутъ продолжаться, пока будутъ существовать причины.

Весь нашъ умственный міръ давно уже раздѣляется на двѣ области, только изрѣдка и ненадолго сливающіяся между собою. Одна область, самая большая, объемлющая большинство читающихъ и пишущихъ, есть область прогресса, не оставляющаго слѣдовъ, — область метеоровъ и миражей, — *дымъ, несущійся по вѣтру*, какъ выразился Тургеневъ. Другая область, несравненно меньшая, включаетъ въ себѣ все, что дѣйствительно *дѣлается* въ нашемъ умственномъ движеніи, — есть русло, питаемое живыми родниками, — струя нѣкотораго преемственнаго развитія. Это та область, въ которой мы не только растемъ, но и зрѣемъ, — въ которой, слѣдовательно, такъ или иначе совершится трудъ нашей самостоятельной духовной жизни. Ибо дѣйствительнымъ дѣломъ въ этомъ случаѣ можетъ быть только то, что носитъ на себѣ печать самобытности, и (по справедливому замѣчанію, давно сдѣланному нашей критикой) каждый замѣчательный дѣятель нашего развитія непременно обнаруживаетъ въ себѣ вполне русскаго человѣка. Понятно теперь противорѣчіе, существующее между этими двумя областями, — противорѣчіе, которое должно возрастать по мѣрѣ уясненія ихъ взаимныхъ отношеній. Для первой, господствующей области, явленія второй не имѣютъ почти никакого значенія. Она или не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, или понимаетъ ихъ превратно и искаженно; она ихъ или вовсе не знаетъ, или узнаетъ поверхностно и быстро забываетъ.

Они забываютъ, и имъ естественно забывать; но кто же помнить? Казалось бы, у насъ должны существовать люди, для которыхъ столь же естественно помнить, какъ для тѣхъ — забывать, — люди, способные оцѣнить достоинство какихъ бы то ни было явленій умственнаго міра, не увлекающіеся минутными настроеніями общества и умѣющіе, сквозь дымъ и туманъ, видѣть настоящее движеніе впередъ и отличать его отъ пустаго, безплоднаго

броженія. Дѣйствительно, у насъ есть люди, повидимому вполне способные для этого дѣла; но, по несчастію, такова сила вещей, что они этого дѣла не дѣлаютъ, не желаютъ дѣлать, да въ сущности и не могутъ. Наши серьезные и основательно-образованные люди неизбѣжно находятся подъ злополучнымъ вліяніемъ общаго порока нашего развитія. Прежде всего—ихъ собственное образованіе, обыкновенно составляющее нѣкоторое исключеніе, и хотя высокое, но большею частью одностороннее, внушаетъ имъ высокоемріе къ явленіямъ нашего умственнаго міра; они не удостоиваютъ его пристальнаго вниманія. Затѣмъ, по своимъ отношеніямъ къ этому міру, они раздѣляются на два разряда: одни питаютъ къ нему полнѣйшее равнодушіе, какъ къ явленію, для нихъ болѣе или менѣе чуждому; другіе, теоретически признавая свое родство съ этимъ міромъ, останавливаются въ немъ на кой-какихъ единичныхъ явленіяхъ и тѣмъ съ 'большимъ презрѣніемъ' смотрятъ на все остальное. Первое отношеніе—восполитическое, второе—національное. Космополиты—грубо, невнимательно, безъ любви и провицательности—подводятъ наше развитіе подъ европейскія мѣрки и не умѣютъ въ немъ видѣть ничего особенно хорошаго. Націоналы, съ неменьшею грубостію и невнимательностію, прилагаютъ къ нашему развитію требованіе самобытности и, на этомъ основанія, отрицаютъ въ немъ все, кромѣ немногихъ исключеній.

Очевидно, вся трудность заключается въ умѣннхъ цѣннхъ проявленія самобытности. Одни вовсе не желаютъ и не умѣютъ ихъ находить; немудрено, что они ихъ не видятъ. Другіе именно ихъ и желаютъ; но, будучи слишкомъ скоры и требовательны въ своихъ желаніяхъ, вѣчно недовольны тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, дѣло, безцѣнное и совершаемое съ тяжкимъ трудомъ, постоянно остается въ пренебреженіи. Одни повѣрятъ въ русскую мысль только тогда, когда она произведетъ великихъ всемірныхъ философовъ и поэтовъ; другіе—только тогда, когда всѣ ея созданія примутъ яркій національный отпечатокъ. А до тѣхъ поръ, тѣ и другіе считаютъ себя въ правѣ съ презрѣніемъ относиться къ ея работѣ,—забывать все, что она ни сдѣлаетъ,—и, попрежнему, подавлять ее все тѣми же высокими требованіями.

Такія мысли пришли намъ на умъ, когда мы рѣшились приступить къ разбору „Войны и Мира“. И намъ кажется, эти мысли всего умѣстнѣе, когда дѣло идетъ именно о новомъ художественномъ произведеніи. Съ чего начать? Къ чему намъ при-

ннуть свои сужденія? На что бы мы ни сослались, на какия бы понятія ни оперлись, все будетъ темно и не понятно для большинства нашихъ читателей. Новое произведеніе Гр. Л. Н. Толстаго, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній русской литературы, составляетъ, во первыхъ, плодъ движенія этой литературы, ея глубокаго и труднаго прогресса; вовторыхъ, оно есть результатъ развитія самого художника, его долгой и совѣстливой работы надъ своимъ талантомъ. Но кто-же имѣетъ ясное понятіе о движеніи нашей литературы и о развитіи таланта Гр. Л. Н. Толстаго? Правда, наша критика нѣкогда внимательно и глубокомысленно оцѣнила особенности этого удивительнаго таланта; но кто-же объ этомъ помнить?

Недавно одинъ критикъ объявилъ, что передъ появленіемъ „Войны и Мира“ всѣ уже забыли о Гр. Л. Н. Толстомъ, и никто о немъ больше не думалъ. Замѣчаніе совершенно справедливое. Конечно, вѣроятно были еще отсталые читатели, которые продолжали восхищаться прежними произведеніями этого писателя и находить въ нихъ безцѣнные откровенія души человѣческой. Но наши критики не принадлежали въ числу этихъ наивныхъ читателей. Наши критики, конечно, меньше всѣхъ другихъ помнили о гр. Л. Н. Толстомъ и думали о немъ. Мы будемъ правы, если даже распространимъ и обобщимъ это заключеніе. Есть у насъ вѣроятно читатели, которые дорожатъ русской литературой, — которые помнить и любить ее; но это отнюдь не русскіе критики. Критиковъ же наша литература не столько занимаетъ, сколько беспокоитъ своимъ существованіемъ; они вовсе не желаютъ объ ней помнить и думать, и только досаждутъ, когда она напоминаетъ имъ о себѣ новыми произведеніями.

Таково, дѣйствительно, было впечатлѣніе, произведенное появленіемъ „Войны и Мира“. Для многихъ, съ наслажденіемъ занимавшихся чтеніемъ послѣднихъ книжекъ журналовъ и въ нихъ своихъ собственныхъ статей, было чрезвычайно непріятно убѣдиться, что есть какая-то другая область, о которой они не думали и думать не хотѣли, и въ которой, однако же, создаются явленія огромныхъ размѣровъ и блистательной красоты. Каждому дорого свое спокойствіе, — самолюбивая увѣренность въ своемъ умѣ, въ значеніи своей дѣятельности, — и отсюда объясняются тѣ озлобленные вопли, которые у насъ поднимаются — въ частности на повтовъ и художниковъ, а вообще на все, что уличаетъ насъ въ невѣжество, забвеніи и непониманіи.

Изъ всего этого мы выведемъ сперва одно заключеніе: у насъ трудно говорить о литературѣ. Вообще замѣчено, что у насъ трудно говорить о чемъ бы то ни было, не возбуждая безчисленныхъ недоразумѣній, — не вызывая самыхъ невѣроятныхъ извращеній своей мысли. Но всего труднѣе говорить о томъ, что называется литературою по преимуществу, о художественныхъ произведеніяхъ. Тутъ намъ слѣдуетъ не предполагать у читателей никакихъ сколько-нибудь установленныхъ понятій; слѣдуетъ писать такъ, какъ будто никто ничего не знаетъ ни о нынѣшнемъ состояніи нашей литературы и критики, ни объ историческомъ развитіи, которое привело ихъ къ этому состоянію.

Такъ мы и поступимъ. Не ссылаясь ни на что, мы будемъ прямо заявлять факты, описывать ихъ съ возможною точностію, анализировать ихъ значеніе и связь, и отсюда уже выводить свои заключенія.

---

## I.

Фактъ, которымъ вызвано настоящее изслѣдованіе, и за объясненіе котораго, вслѣдствіе его огромности, мы беремся не безъ сомнѣнія въ своихъ силахъ, заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1868 году появилось одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы, „Война и Миръ“. Успѣхъ его былъ необыкновенный. Давно уже ни одна книга не читалась съ такою жадностію. Притомъ, это былъ успѣхъ самаго высокаго разряда. „Войну и Миръ“ внимательно читали не только простые любители чтенія, до сихъ поръ восхищающіеся Дюма и Февалемъ, но и самые взыскательные читатели, — всѣ, имѣющіе основательное или неосновательное притязаніе на ученость и образованность; читали даже тѣ, которые вообще презираютъ русскую литературу и ничего не читаютъ порусски. И, такъ какъ кругъ нашихъ читателей съ каждымъ годомъ возростаетъ, то вышло, что ни одно изъ нашихъ классическихъ произведеній, — изъ тѣхъ, которыя не только имѣютъ успѣхъ, но и заслуживаютъ успѣха, — не расходилось такъ быстро и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ „Война и Миръ“. Прибавимъ къ этому, что еще ни одно изъ замѣчательныхъ произведеній нашей литературы не имѣло такого большаго объема, какъ новое произведеніе гр. Л. Н. Толстаго.

Приступимъ же прямо къ анализу совершившагося факта. Успѣхъ „Войны и Мира“ есть явленіе чрезвычайно простое и отчетливое, не заключающее въ себѣ никакой сложности и запутанности. Этому успѣху нельзя приписать никакимъ побочнымъ, постороннимъ для дѣла причинамъ. Гр. Л. Н. Толстой не старался увлечь читателей ни какими-нибудь запутанными и таинственными приключеніями, ни описаніемъ грязныхъ и ужасныхъ сценъ, ни изображеніемъ страшныхъ душевныхъ мукъ, ни, наконецъ, какими-нибудь дерзкими и новыми тенденціями, — словомъ, ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыя дразнятъ мысль или воображеніе читателей, болѣзненно раздражаютъ любопытство картинами неизвѣданной и неиспытанной жизни. Ничего не можетъ быть проще множества событій, описанныхъ въ „Войнѣ и Мирѣ“. Вся случаи обыкновенной семейной жизни, разговоры между братомъ и сестрой, между матерью и дочерью, разлука и свиданіе родныхъ, охота, святки, мазурка, игра въ карты и пр., — все это съ такою же любовью возведено въ перлъ созданія, какъ и Бородинская битва. Простые предметы занимаютъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ также много мѣста, какъ, на примѣръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ безсмертныя описанія жизни Лариныхъ, зимы, весны, поездки въ Москву и т. п.

Правда, рядомъ съ этимъ гр. Л. Н. Толстой выводитъ на сцену великія событія и лица огромнаго историческаго значенія. Но никакъ нельзя сказать, чтобы именно этимъ былъ возбужденъ общій интересъ читателей. Если и были читатели, которыхъ привлекло изображеніе историческихъ явленій или даже чувство патріотизма, то безъ всякаго сомнѣнія было не мало и такихъ, которые вовсе не любятъ искать исторіи въ художественныхъ произведеніяхъ или же сильнѣйшимъ образомъ вооружены противъ всякаго подкупа патріотическаго чувства, и которые, однакоже, прочли „Войну и Миръ“ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что „Война и Миръ“ вовсе не есть историческій романъ, т. е., вовсе не имѣетъ въ виду дѣлать изъ историческихъ лицъ романическихъ героевъ и, разсказывая ихъ похождения, соединять въ себѣ интересъ романа и исторіи.

И такъ, дѣло чистое и ясное. Какія бы цѣли и намѣренія ни были у автора, какихъ бы высокихъ и важныхъ предметовъ онъ ни касался, успѣхъ его произведенія зависитъ не отъ этихъ намѣреній и предметовъ, а оттого, что онъ сдѣлалъ, руководясь